Ницше для лузеров?

Питер Дьюс
Профессор, Университет Эссекса.
Адрес: Wivenhoe Park, CO4 3SQ Colchester, UK.
E-mail: peted@essex.ac.uk.

Ключевые слова: критическая философия; Ницше; Малкольм Булл; трансцендентальный аргумент; чтение с позиции лузера; воля к власти; экология ценности.

В своей статье Питер Дьюс, анализируя предложенную Малкольмом Буллом интерпретацию Ницше, которая расходится как с аналитической, так и с постмодернистской традициями, начинает с описания характерной для посткантианской философии критической динамики, а затем переходит к оценке одного из главных для Булла философских вопросов — роли трансцедентальной аргументации в тезисе о воле к власти. Разбирая отношение Хайдеггера к Ницше и нигилизму как отправную точку для проведенной Буллом операции, автор указывает на то, что стратегия последнего («чтение с позиции лузера») может сработать только в случае ницшевской «экологии ценности», но не в рамках хайдеггеровской концепции Бытия и его «просвета».

Позиции Хайдеггера и Ницше оказываются асимметричны: последний поддерживает определенную экологию ценности за счет иерархии людей, заново утверждаемой после преодоления нигилизма, тогда как Хайдеггеру достаточно минимального отношения к бытию, которое не устраняется даже и во «внешней тьме», о которой говорит Булл. Положение «субгуманизма» эквивалентно положению аристотелевского «растения», то есть того, кто полностью исключен из любого дискурса, а потому не может что бы то ни было оспаривать. В качестве альтернативы линии Ницше и Хайдеггера Дьюс предлагает мысль о субъект-субъектном отношении в интерпретации, развиваемой от Гегеля и Фейербаха до Левинаса. Последняя, по мысли автора, позволяет не идти за Буллом и его субгуманизмом, а найти новое основание для полагания ценностей, которое уже не будет зависеть от той или иной экологии.

В ПОСЛЕДНИЕ два-три десятилетия изменения в *modus operandi* европейской философии, последовавшей за Кантом, стали предметом повышенного — и давно заслуженного — внимания в англоязычном мире. Однако возродившийся интерес распределялся неравномерно. Одно из недостаточно изученных качеств посткантианской революции состоит в изменившейся динамике философского преемства, то есть того, как именно крупнейшие европейские философии в последние два столетия отвечали на работы своих предшественников и пытались их преодолеть. Например, в период 1790–1800 годов мы обнаруживаем ряд процедур, применяя которые преемник того или иного крупного мыслителя пытался не опровергнуть — в прямолинейном смысле — своего предшественника, а вытолкнуть мысль своего предтечи *за ее пределы*. Например, Фихте был убежден не в том, что Кант ошибался, а в том, что последний недостаточно радикален в обосновании истинной философии (которой теперь считалась уже не любовь к мудрости, а «наукоучение», *Wissenschaftslehre*). Шеллинг не оспаривал фихтевское требование абсолютного принципа обоснования, но считал, что версия самого Фихте остается безнадежно односторонней, так что ее нужно вывести за пределы субъективного идеализма, дабы прийти к окончательному тождеству субъекта и объекта. Гегель использовал предложенную Шеллингом теоретизацию Абсолюта в своих первых публикациях, однако потом стал ее критиковать, выступив за более сложную концепцию тождества, состоящую в имманентном развертывании и реинтеграции различия[1].

Эти и другие приемы выталкивания за пределы, применяемые европейскими мыслителями друг к другу, на протяжении двух

Перевод с английского *Дмитрия Кралечкина* по изданию: © *Dews P.* Nietzsche for Losers? // New Left Review. 2014. № 86. P. 95–110. Публикуется с любезного разрешения редакции.

1. Прекрасную реконструкцию этого процесса см. в недавно вышедшем исследовании: *Förster E.* The Twenty-Five Years of Philosophy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012.

веков посткантианской мысли воспроизводились неоднократно. Успешное философствование перестало сводиться (да и никогда не сводилось, как отмечал сам Кант) к вопросу о том, кто предложит наиболее логичные аргументы. После Канта большинство ведущих европейских философов (и в этом англоязычная аналитическая традиция от них отличается) поняли, что ни один мыслитель никогда не сможет выиграть главный приз — истину как таковую или хотя бы один из ее фрагментов — за счет того, что просто проявит свои выдающиеся интеллектуальные способности. За углом его всегда будут поджидать контраргументы. Философия не смогла бы развиваться за счет противопоставления одного довода или тезиса другому. И этот взгляд был закреплен склонностью посткантианских мыслителей указывать на то, что их претензия на завершение основной линии философских исканий в их собственных трудах завизирована историей, так что дальше идти просто некуда. Более поздним мыслителям, имевшим дело с подобными претензиями, не оставалось ничего иного, кроме как открыть способы имманентного подрыва позиций своих предшественников, а не просто их критики.

Я полагаю, что эти исторические обстоятельства крайне важны для понимания стратегии, используемой Малкольмом Буллом в его завораживающей книге «Анти-Ницше», поскольку они помогают осмыслить работу, которую в противном случае можно было бы проигнорировать, посчитав курьезом в контексте актуальной интерпретации Ницше. В конце концов, Булла не слишком занимает Ницше как глубокий психолог-интуитивист, как главный враг всеобщих универсальных кодексов (будь они деонтологическими или консеквенциальными), как первопроходец генеалогии, понимаемой в качестве критического метода, или же как пророк модных разновидностей релятивизма. Благодаря всем этим темам, фокусирующим на себе исследовательский интерес, Ницше представляется важным источником современных философских дискуссий. Но для Булла он нечто большее, намного большее. Поскольку трудно представить, что могло бы прийти после полного изъятия смысла из наших убеждений и практик, доставшихся нам по наследству, изъятия, которое как раз и провозглашает Ницше, то его нигилизм, по мысли Булла, работает в качестве «предельной философии воображаемого современности»[2]. Есть ли за этим пределом что-то, хоть что-нибудь?

2. *Булл М.* Анти-Ницше / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016 (в печати). С. 10.

На пределе

В своем ответе Булл начинает, что достаточно неожиданно, с обсуждения истории атеизма и филистерства: идея в том, что, раз для наших предков был немыслим атеизм и точно так же для нас самих, образованных и благомыслящих современных людей, разрушительной бессмыслицей является филистерство, значит, любой, кто против Ницше (например, в силу каких-то политических причин), должен будет разобраться с тем, чем подрывается общепринятое понимание нигилизма. Это не может быть философская *теория*, поскольку любая такая теория даст богатую почву для психологического анализа или генеалогического разбирательства. Как указывает Булл, это, скорее, должна быть *позиция* по отношению к Ницше, а именно позиция чтения: надо «читать как лузер». Такой тип чтения, как он доказывает, несет в себе и новизну, и возможность прорыва, поскольку в прошлом даже «обездоленные группы, которых [Ницше] всячески уничижал», сговаривались в чтении «ради победы, пытаясь вырвать успех из текста, превратив самих себя в героев повествования Ницше»[3]. Затем в книге разъясняется, что значит «читать как лузер» и как именно такое чтение могло бы вставить палки в колеса проекту Ницше. По ходу дела Булл вынужден вступить в изощренное состязание с интерпретацией Ницше, предложенной Мартином Хайдеггером. В самом деле, в определенном смысле Хайдеггер — единственный серьезный соперник Булла, которому ему нужно оппонировать, поскольку он утверждает, что Ницше — действительно центральная фигура:

> На метафизике Ницше философия заканчивается. Это значит: она отшагала весь круг своих предначертанных возможностей[4].

Но если Ницше — это *«последний метафизик Запада»*[5] и если последствия его мысли являются, как полагает Хайдеггер, катастрофичными, тогда требовать необходимо преодоления философии как таковой, отстранения от метафизических посылок, глубоко укорененных в западной культуре. Булл, однако, заявляет, что эта попытка проваливается, и Хайдеггер в конечном счете воспроизводит политический синдром, играющий главную роль в мысли самого Ницше.

3. Там же. С. 34.
4. *Хайдеггер М.* Преодоление метафизики // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 183.
5. *Он же.* Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. С. 414.

В заключительных главах «Анти-Ницше» Булл пытается поначалу определить саму возможность быть тем лузером, который мог бы воспротивиться манящей риторике Ницше, отвертеться от его триумфализма. Ключевым моментом является здесь то, что для этого требуется разрушить барьер между человеческим и животным, который даже Хайдеггер, несмотря на свои попытки преодолеть своего предшественника, пытался сохранить. В итоге Булл переходит к исследованию политики эгалитаризма и антиэгалитаризма, доказывая, что магистральных современных концепций человеческого и социального равенства недостаточно для задачи, предполагающей оспаривание взглядов Ницше на низость и благородство. Булл, опираясь на столь разных авторов, как Винченцо Куоко, Гракх Бабёф и Карл Маркс, утверждает, что нам нужно не что-нибудь, а «экстраэгалитаризм», который постоянно стремится к новому, все более низкому равновесию на уровне низшего и в настоящий момент исключенного. Подобный процесс привел бы к распространению «пустыни нигилизма» за пределы даже самых диких фантазий Ницше, так что его вера в целительные силы иерархии и его убежденность в том, что «усталость — кратчайший путь к *равенству* и *братству*», в итоге по нему же и ударят[6].

Короче говоря, Булл хорошо понимает посткантианскую игру и играет в нее с высокими ставками. Точно так же, как Гегель, завершающий лекции по истории своей дисциплины своей собственной системой, заявил: «Этим мои лекции по истории философии *закончены*»[7], как Витгенштейн считал, что его «Трактатом» решены все проблемы философии, которые только можно решить (потом он ушел работать школьным учителем), и как Сартр однажды объявил марксизм непреодолимой философией нашего времени[8], так и с точки зрения Булла, как мы выяснили, нигилизм Ницше охватывает весь философский горизонт в целом. Благодаря этой посылке, если желаешь быть «анти-Ницше», нет смысла всего лишь придумывать хорошие контраргументы. Любые такие измышления будут попросту погружены в ницшевскую предельную философию. Мыслители, настроенные против Ниц-

6. *Булл М.* Указ. соч. С. 254; *Ницше Ф.* Странник и его тень // Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Азбука, 2011. Т. 2. С. 424.
7. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по истории философии. Ч. 3 // Соч.: В 14 т. М.; Л.: СОЦЭКГИЗ, 1935. Т. 11. С. 516; *Hegel G.W.F.* Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie III // Werke: In 20 Bd. / E. Moldenhauer, K. M. Michel (eds). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1986. Vol. 20. P. 461. ("Hiermit ist diese Geschichte der Philosophie *beschlossen*.")
8. *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода. М.: Академический проект, 2008. С. 12.

ше, обнаружат, что их самих числят примерами *ресентимента*, зависти, которую слабые и экзистенциально измотанные испытывают по отношению к бойким и переполненным воинственной энергией, или же считают образцами того, что происходит, когда интеллектуалы обманывают себя (первым провинившимся в таком обмане Ницше считал Сократа), полагая, что софистические упражнения когда-нибудь смогут послужить заслоном от силы жизни. В целом же, если мы соглашаемся (что, по мысли Булла, мы должны сделать) с разрушением смысла, произведенным Ницше, как предварительным условием противления последнему, тогда получается, что любое *благонамеренное* возмущение снадобьями, предложенными им для исцеления упадочной современности, — иерархией, эксплуатацией, рабством, расовым господством, селекционным разведением и, если понадобится, истреблением — в конечном счете приведет лишь к тщетной попытке восстановить то, что, как он показал, должно быть дискредитировано. Речь о понятии внутренней ценности или значения мира, по крайней мере человеческой его части. Такие антиницшеанцы (которых сам он называл «последними людьми»), возможно, считают, будто первая статья «Всеобщей декларации прав человека» выражает какую-то объективную истину.

Так что нет смысла заламывать руки и ужасаться жестокости и грубости решений Ницше — и это вполне ясно из того, как Булл невозмутимо перечисляет средства, предложенные этим философом. Ницше, как и Вальтер Беньямин, знает, что

> …не бывает документа культуры, который не был бы в то же время документом варварства[9].

Он просто считает, что дело того стоит. Он бы посмеялся над «*слабой* мессианской властью» Беньямина, вышутив ее, возможно, как мессианскую власть слабаков. Разве не очевидно:

> …сама жизнь *по существу* своему есть присваивание, нанесение вреда, преодолевание чуждого и более слабого, угнетение, суровость, насильственное навязывание собственных форм, аннексия и по меньшей мере, по мягкой мере, эксплуатация[10].

9. *Беньямин В.* О понятии истории // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 241.
10. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 380.

Что же делать в такой ситуации? Двигаясь в русле мыслителей от Канта до Гегеля (и, по сути, от Людвига Фейербаха до Карла Маркса, Теодора Адорно и Жака Деррида), Булл желает вытолкнуть мысль своего противника за ее собственные пределы. Как и его предшественники, он намеревается доказать, что определяемое предыдущей философии в качестве предела мысли (и, вероятно, эпохи) можно преодолеть, эксплуатируя процесс, который привела в движение сама эта философия. Но Булл проводит эту операцию не только над Ницше. В ключевых главах книги он разбирается с наиболее сильным интерпретатором Ницше, Мартином Хайдеггером, который и сам попытался прорваться через предел Ницше в 1930–1940-е годы, во время разгула насилия, террора и мировой войны, предсказанных его предшественником. Выталкивание Ницше за его собственные пределы предполагает, что его нужно вытолкнуть и за пределы Хайдеггера, чье мышление, как утверждает Булл, сковано его собственным вариантом ницшевского ограничения.

Формы нигилизма

Возможно, вот наиболее четкое из определений «нигилиста», данных Ницше:

> …это человек, который о мире, каков он есть, того мнения, что он не должен был бы существовать, а о мире, каким он должен быть, полагает, что он не существует[11].

За счет некоторых перестановок в этой формулировке Булл предлагает одну из нескольких разъяснительных классификаций, встречающихся в его книге: термин «нигилизм» используется у Ницше в четырех разных значениях, подчиненных основному определению, — это неполный пассивный нигилизм, неполный активный, полный пассивный и полный активный. Причем последний на самом деле представляется предельным случаем, моментом Сверхчеловека, точкой, в которой нигилизм отрицает самого себя и превращается в новое утверждение. Говоря конкретнее, христианство — это вариант неполного пассивного нигилизма, определившего основные черты Запада. Это форма *пассивного* нигилизма, поскольку она выражает то, что Ницше называет

11. *Он же*. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. С. 332.

«падением и регрессом мощи духа»[12]; и она является *неполной*, поскольку полагает фантазийную систему трансцендентных сущностей, позволяющую отвергать существующее здесь и сейчас. Напротив, буддизм — это полный пассивный нигилизм, поскольку он говорит не о «грехе», то есть состоянии, от которого мы предположительно могли бы быть избавлены, но о внутреннем страдании жизни; и в этом смысле он уже по ту сторону добра и зла, поскольку проповедует не моральный антимир, а угасание воли как таковой. По Ницше, бомбометатели и цареубийцы, посеявшие в его дни моральную панику, — это активные нигилисты. Но это неполные нигилисты, поскольку тезис «Бог есть истина» они обращают в разрушительную — и саморазрушительную — веру в то, что все есть ложь. Наконец, полный активный нигилизм отрицает любое внутреннее значение и ценность, а потому обнаруживает то, что единственная фундаментальная ценность — это само наделение ценностью. Ведь способность наделять ценностью и защищать смысл — это первейшее выражение воли к власти, единственная базовая сила, движущая миром.

С точки зрения Ницше, как ее излагает Булл, конечная форма нигилизма — это переходная точка, момент превращения в новое решительное «да», высказанное миру. Объективным коррелятом этого краха иллюзии имманентного значения и ценности является то, что Ницше называет «вечным возвращением того же самого». Мир ему видится как

> …исполин силы, без начала и без конца… море струящихся в себе и перетекающих в себя сил, в вечной метаморфозе, в вечном откате, с неимоверными выплесками долголетних возвращений, в вечном приливе и отливе.

Мысль о вечном возвращении — это *проверка*, которую, по Ницше, выдержат лишь немногие. Ведь «шкалой силы воли может служить то, как долго мы в состоянии обойтись без смысла в вещах»[13]. Кроме того, этот моральный и духовный водораздел соответствует той характеристике в мышлении Ницше, которой Булл приписывает первостепенное значение, хотя, как он справедливо подчеркивает, либеральные любители Ницше предпочитают ее не замечать. Деятельность оценки как единственная предельная ценность зависит от того, что он называет «экологией ценности», в которой отупевшее стадо играет роль рабов, подпирающих со-

12. Там же. С. 38.
13. Там же. С. 557–558, 332.

бой аристократию оценивателей (*valuers*). Поп-экзистенциалистское прочтение Ницше, получившее распространение сразу после 1945 года и изображавшее мудреца из Зильс-Марии так, словно бы он призывал нас самостоятельно определять смысл нашей жизни, удобным для себя образом игнорировало его убежденность в том, что, как формулирует Булл,

> Оценивание — это воля к власти, то есть власти над кем-то, а потому не может быть ценности там, где нет власти над кем-то… Те, кто ценит оценивание, — это новая аристократия, однако ценность того, что они ценят оценивание, состоит не в самом по себе оценивании, а в социальном устройстве, им устанавливаемом[14].

Или, если говорить словами самого Ницше,

> «Ценность» есть, в сущности, точка зрения роста или понижения этих командующих центров[15].

14. *Булл М.* Указ. соч. С. 119.
15. Там же. С. 116; *Ницше Ф.* Воля к власти. С. 393. Ханжеское отношение к политическим следствиям неустанных и крайне едких нападок Ницше на любое представление о демократии или равном моральном достоинстве человека сохранилось вплоть до наших дней. Например, Брайен Лейтер, ведущий представитель аналитически ориентированного, преимущественно североамериканского, натуралистического/эмпиристского направления в интерпретации Ницше, умудряется свести бескомпромиссный антиэгалитаризм Ницше к безобидной мысли о том, что хорошо бы позволить проявлять себя таким людям, как Бетховен и Гёте. Вопрос о том, кем у Ницше являются «низшие люди», можно, как он указывает, оставить «приятно неопределенным» (*Leiter B.* Nietzsche on Morality. L.: Routledge, 2002. P. 124). Можно было бы спросить: «Приятно кому?», и это был бы вполне ницшеанский вопрос. На другом конце спектра находится Жиль Делёз, который стал вдохновителем волны постструктуралистских интерпретаций Ницше. Однажды он, ссылаясь на Гамаля Абделя Нассера, Фиделя Кастро и Во Нгуена Зяпа, заявил, что императивы Ницше предполагают «артистическую радость, возникающую при совпадении с исторической борьбой» (*Deleuze J.* Nietzsche's Burst of Laughter // Desert Islands and Other Texts. Cambridge, MA; L.: MIT Press, 2004. P. 130). Чтобы закончить триптих, отметим, что Роберт Пиппин в своей работе «Ницше, психология и первая философия» (*Pippin R.* Nietzsche, Psychology and First Philosophy. Chicago: University of Chicago Press, 2010) доказывает, что «материалистическая или натуралистическая кровожадность» (Ibid. P. 74) не находит параллелей в исторически смещающейся психологии ценности Ницше, хотя при этом утверждает, что уважение к философскому значению эллиптичного и образного стиля Ницше, к его в каком-то смысле парижской манере письма не должно привести к отказу приписывать ему определенные взгляды. Пиппин, од-

Одно из главнейших последствий этого взгляда состоит в том, что стратегическое отношение Ницше к своим читателям разительно отличается от той связи, которую философы обычно стремятся установить со своей аудиторий. Они издавна приписывают людям как таковым и, соответственно, своим читателям общие рациональные способности. Достаточно вспомнить о вводном замечании из «Метафизики» Аристотеля: «Все люди от природы стремятся к знанию»[16]. Тогда как Ницше *не* характеризует и не интерпеллирует свою аудиторию универсалистскими терминами. Наоборот, его тексты должны вбить клин — отобрать определенных читателей (и определенные прочтения) и отпугнуть остальных. Говоря политически, это означает, что Ницше желает быть понятым лишь теми, у кого достаточно сил и решимости, чтобы встретить будущие структуры господства (*Herrschaftsgebilde*), а не тупой массой — социалистами, феминистами, эгалитаристами. Как сам он заявляет в предисловии к «Антихристу», «эта книга принадлежит немногим». Он адресует ее тем, кто «честен в интеллектуальных вещах до жестокости»:

> Итак, только это — мои читатели, мои настоящие читатели, мои предопределенные читатели: что за дело до остального! Остальное — лишь человечество. Надо стать выше человечества силой, высотой души — презрением[17].

Главный смысл всего этого, как объясняет Булл во второй главе своей книги, заключается в том, что, когда мы читаем Ницше, у нас возникает почти что непреодолимое желание «читать ради победы», то есть читать так, словно бы мы относили самих себя к экзистенциальной аристократии, подобно тому, как кальвинисты едва ли могут не считать себя членами сообщества избранных, а не проклятых, ведь в противном случае им бы грозил нервный срыв. Но является ли такая классификация нас самих убедительной или вероятной? Нас потрясают необузданные восклицания Ницше в *Ecce Homo*: «Я не человек, я динамит», и мы тоже хо-

нако, столь же мягок к энтузиазму Ницше по поводу «морали расположения, расы, привилегии» (*Ницше Ф.* Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 587), как и конкурирующие с ним интерпретаторы, так что он дает лишь несколько малозначительных комментариев касательно отвращения его героя к «эгалитарному гуманизму» (*Pippin R.* Op. cit. P. 67).

16. *Аристотель*. Метафизика // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 65.
17. *Ницше Ф.* Антихрист. Проклятие христианству // Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 632.

тим быть динамитом[18]. Но что если среагировать на это утверждение так, словно бы мы вдруг оказались рядом с таким подрывником-смертником? Именно это Булл называет «чтением с позиции лузера», которое выступает ключом к его стратегии становления «постницшеанским антинтицшеанцем». По его словам,

> …если оппозиция будет составлена из ранее существовавших традиций, она вряд ли сможет сместить Ницше с той позиции, которую он выбрал для себя,— позиции философа будущего, который пишет «для человеческого рода, какого еще нет на свете».

В конце концов, [Ницше] не раздосадовало бы, если бы его «переоценку всех ценностей» продолжали отвергать те, кто цепляется за изничтоженные им ценности. Он бы вечно оставался в положении их эсхатологического супостата, предельного философа современности, которая никак не кончится, и ожидал бы того, что послезавтра родится посмертно[19].

Следовательно, требуется «критика Ницше, которая занимает по отношению к нему ту же позицию, что он занял по отношению к христианству». Другими словами, критика, которая не апеллирует к исчерпанным, выдохшимся христианско-платоновским ценностям, тайно пропитывающим собой политическую и этическую жизнь современности. Но как избежать подобной апелляции? Как читать Ницше «с позиции лузера»?

Чтение ради поражения?

В начале третьей, заключительной части своей «Генеалогии морали» Ницше пишет:

> *Что*, однако, аскетический идеал вообще так много значил для человека, в этом выражается основной факт человеческой воли, его *horror vacui*: *он нуждается в цели* — и он предпочтет скорее хотеть *Ничто*, чем *ничего* не хотеть[20].

Буддизм, или полный пассивный нигилизм,— это главный пример желания полного отрицания, и Ницше боится, что культура Европы примет буддизм в каком-то из его вариантов. Но также он надеется, что буддизм может сработать в качестве точки перегиба:

18. *Он же.* Ecce Homo // Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 762.
19. См.: *Булл М.* Указ. соч. С. 58. Цитата Ницше взята из: *Ницше Ф.* Воля к власти. § 958 С. 515. Ее продолжение: «для „хозяев Земли“».
20. *Он же.* Генеалогия морали // Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 472.

разрушение всякой положительной ценности, всякой предустановленной для воли цели способно расчистить путь для понимания того, что ценность не «где-то там» в мире, что она порождена оценкой. Тогда в качестве человеческой константы сохраняется само воление, которое стремится первым делом к ценности, затем — к ничто и, наконец, если все пойдет как надо, к своему собственному чистому утверждению в качестве воли к власти (для которой полагаемое значение или ценность будут функционировать больше в качестве предлога, чем цели). В двух-трех местах своей книги Булл называет это «трансцендентальным аргументом» Ницше. Однако подобное наименование вряд ли можно считать удачным.

Идея трансцендентальной философии, которая занимается не самой природой мира, а условиями возможности нашего опыта этого мира, появляется у Канта. Хотя Кант не говорил о «трансцендентальных аргументах», каковые являются современным, несколько разбавленным вариантом его «трансцендентальной дедукции», обращенность подобных аргументов к условиям возможности ясно указывает на то, что они берут начало в «критической философии». Отправляясь от образа мысли, деятельности или же встречи с миром как неоспоримого качества человеческого бытия, трансцендентальные аргументы возвращаются к тому, что, по их логике, является его совершенно необходимыми (а с точки зрения кантианцев, еще и априорными, то есть не встречающимися в опыте) условиями возможности. Открытие этих условий освещает новым светом характер и статус исходного пункта. В нашем контексте главным аспектом этой процедуры представляется специфическая для нее рефлексивность, — иными словами, тот факт, что критика обоснованности трансцендентального аргумента, если последний и в самом деле надежен, сама неявно опирается на те условия, которые им постулированы, порождая тем самым то, что Юрген Хабермас называет «перформативным противоречием»[21].

Однако, если использовать этот критерий, тезис Ницше о вездесущности воли к власти (отрицания которой, с его точки зрения, являются попросту болезненными выражениями самой этой

21. Хотя понятие «трансцендентального аргумента» является ключевым для общей логики Булла в его «Анти-Ницше», он почти не объясняет, как сам он понимает этот термин. Что-то близкое к такому объяснению обнаруживается разве что в «Предисловии», в несколько загадочном тезисе о том, что трансцендентальные аргументы «обращают бессмыслицу в смысл» (*Булл М.* Указ. соч. С. 10).

воли) представляется не трансцендентальным, а метафизическим. Трансцендентальные аргументы должны исключать альтернативы открытым им условиям, выявляя самопротиворечивость или бессмысленность подобных альтернатив. Но, судя по всему, вполне можно думать, что человеческая мысль или деятельность движимы силами, отличными от предположительной «воли к власти», и не впадать при этом в противоречие. Тем не менее Булл утверждает, что мы не можем перехитрить Ницше, вытолкнуть его за его собственные пределы, предложив некую альтернативную теорию человеческой мотивации, так что единственный способ — опуститься ниже нулевой отметки воления, считающегося неизбежным. Как он заявляет,

> …чтение с позиции лузера — это не контрэтика вроде христианства, не воля к разрушению, напоминающая волю буддиста. Это не установление ценности и не стремление к уничтожению, а неудача хуже смерти, сохранение жизни ради ослабления.

Или, если сказать то же самое короче, это

> …нигилизм, который распространяется без нигилистов, нигилизм, который не может выписать свой собственный скептицизм[22].

Если это победа над Ницше (которая состоит в отказе «читать ради победы»), тогда да простят нам то, что мы в ней видим решительно пиррову победу. Не в том смысле, что цена победы — своего рода поражение, ведь чтение с позиции лузера и *должно быть* пирровым в этом смысле, а в том, что ее стоимость выглядит как допущение интеллектуальной рассогласованности. Чтобы доказать то, что мы действительно должны выбрать этот путь, Буллу нужно разобраться с серьезнейшей — и некоторые могли бы сказать, грандиозной — интерпретацией Ницше, разработанной Хайдеггером в лекционных курсах, а также в отдельных лекциях, статьях и неопубликованных заметках в конце 1930-х и в 1940-х годах. В своем лекционном курсе 1936–1937 годов «Воля к власти как искусство» Хайдеггер предложил прочтение, за счет которого намеревался состыковать предложенную Ницше концепцию искусства со своим собственным основным вопросом о сокрытости и несокрытости Бытия. Однако вскоре под влиянием взглядов Эрнста Юнгера на безудержную механизацию и тотальную мобилизацию он стал видеть в философии Ницше кульминацион-

22. Там же. С. 123, 127.

ное выражение теории господствующей воли, глубоко укорененной в западной метафизической традиции. В таком случае мышление Ницше, ни в коем смысле не являясь поворотным пунктом и началом всемирно-исторического исцеления, представляет собой, с его абсолютной глухотой к вопросу о Бытии (поскольку для Ницше «Бытие» — не более чем пресная философская абстракция), предельное выражение европейского нигилизма. Однако, как объясняет Булл, увлекательно и тонко анализируя аргументацию Хайдеггера, последний тоже считал, что у него есть козырь, которым он может побить своего предшественника. Поскольку, по Хайдеггеру, «в сущности самого же бытия заключается то, что оно остается непродумываемым, потому что само же не дается и ускользает»[23], нигилизм, который стирает смысл (а потому и Бытие, поскольку в конечном счете только Бытие говорит через всякий смысл), является в действительности делом самого Бытия. Бытие разыгрывает свое собственное прогрессирующее и все более сильное забвение в истории метафизики, которая, следовательно, признается равной по протяженности истории нигилизма. Однако из этого следует, что, как говорит сам Хайдеггер, «пойти навстречу бытию в его избытии как таковом» — значит осознать то, что даже в крайней точке, в нашем современном забвении самого этого забвения, «отсутствие бытия есть само бытие *как это отсутствие*»[24].

Это, по Буллу, и есть «трансцендентальный аргумент» Хайдеггера, и он, несомненно, представляется более правдоподобным кандидатом на эту роль, чем аргумент, который Булл приписывает Ницше. Ведь нет убедительных доводов, чтобы согласиться с тезисом позднего Ницше о том, что все есть воля к власти. Действительно, сам Ницше словно бы странным образом пилит сук, на котором сидит, и признает, что понятие вездесущей воли к власти — это просто еще одна интерпретация[25]. Однако можно выдвинуть намного более сильный аргумент в пользу того, что *какая-то* остаточная связь человека с Бытием должна оставаться даже на дне отсутствия Бытия; или же, если развивать трансцендентальное рассуждение в стиле «и ты, Брут!», о том, что доказательство *несуществования* неистребимой связи человека с Бытием уже открывает то, что Хайдеггер называет «предпонимани-

23. *Хайдеггер М.* Слова Ницше «Бог мертв» // Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 214.
24. *Он же.* Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2007. Т. 2. С. 323, 310.
25. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 258.

ем Бытия». Это в конечном счете и должно быть отличительным признаком человека — понимание не только того, *что* есть вещи, но и того, что они *есть*. Мы можем недоумевать, почему есть что-то, а не ничто, пусть даже технологический мир делает все возможное, чтобы задушить это наше недоумение.

В действительности Булл соглашается с этим. Ведь в последних главах «Анти-Ницше» он делает вывод, что единственный способ избежать того, что сам он считает реактивным благочестием Хайдеггера, то есть его попытки обратить нигилистическую волну вспять, вернувшись к истине не вещей, а самого Бытия, а потому и единственный способ вытолкнуть Ницше за его собственные пределы — это опуститься ниже уровня человеческого. Но как нам это сделать — как стать одновременно людьми и сублюдьми? Для ответа на этот вопрос Булл находит изобретательное применение размышлениям Хайдеггера о различии между животным и человеческим способами бытия, включенным в его лекционный курс 1929–1930 годов «Основные понятия метафизики».

Сумерки в лесу

Животные, утверждает Хайдеггер, не «безмирны», как камень или река, а «бедны миром», «скудомирны» (*weltarm*)[26]. Только люди открыты миру *как* миру и вещам мира *как* вещам. Двумя годами ранее в «Бытии и времени» Хайдеггер уже подчеркивал то, что «онтическая невыговоренность» этого «как» не должна вести к упущению «априорного экзистенциального устройства понимания»[27]. Ящерица может касаться камня, на котором лежит, однако она в своем опыте не воспринимает камень *как* камень, а потому ее контакт, как утверждает Хайдеггер, совершенно отличается от того «касания, которое испытываем мы, когда, например, наша рука покоится на голове другого человека»[28]. Именно в этом пункте Булл проводит свою ключевую операцию. Хайдеггер настаивает на качественном различии между скудомирием животного и обладанием миром, присущим *Dasein* (или, если огрублять, человеку как таковому). Нигилизм, «помрачение мира» (*Weltverdüsterung*) могут распространяться со скоростью эпидемии, но лишь

26. «У животного что-то есть и чего-то нет, то есть оно чего-то лишено. Мы говорим об этом так: животное скудомирно, оно, в принципе, лишено мира» (*Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики. Мир — Конечность — Одиночество. СПб.: Владимир Даль, 2013. С. 323).
27. *Он же.* Бытие и время. М.: Фолио, 2003. С. 176.
28. *Он же.* Основные понятия метафизики. С. 303–304.

в рамках того, что Хайдеггер называет «просветом Бытия». Опираясь на общую этимологию немецких слов, обозначающих поляну в лесу (*die Lichtung*) и свет (*das Licht*), Хайдеггер использует этот термин как одну из метафор присущей только людям открытости к игре сокрытости и несокрытости, которая характеризует Бытие *как* просто Бытие. Но что если, задает вопрос Булл, различие между обладанием миром и «скудомирием» является лишь количественным, а не качественным? В этом случае мы могли бы опуститься ниже точки невозврата. Тьма может собираться не только на просвете, но и среди деревьев, в глубине леса. Может наступить такая ночь, в которой хоть глаз выколи, так что ее нельзя даже испытывать в качестве ничто, то есть того ничто, которое, согласно «трансцендентальному аргументу» Хайдеггера, должно намекать на некое, пусть пока еще и немыслимое, возвращение опыта Бытия.

Теперь мы можем лучше понять, почему «Анти-Ницше» начинает так издалека, потчуя читателя историей нигилизма и филистерства. Так же как атеист сначала был чем-то немыслимым, а затем — несуществующим пугалом, чтобы в итоге стать одним из героев на исторической сцене, опровергая необходимость религии, и так же как филистерство, когда оно осмеливается показать себя, кладет конец бесконечной внутренней диалектике искусства, так и субчеловек может считаться тем, кто подрывает ницшевское преображение человека, хотя пока еще никто не занимает места «званых и неизбранных»[29]. Но даже если бы читатели-как-лузеры стали массовым явлением, действительно ли это поставило бы под вопрос хайдеггеровское описание отменяющей саму себя динамики нигилизма? Мы можем вполне обоснованно усомниться в этом, поскольку есть весьма заметное расхождение между тем, как Ницше описывает средства от нигилизма, и описанием Хайдеггера. По мысли Булла, читатели-как-лузеры, наследники атеизма и филистерства, должны будут подорвать позитивную экологию Ницше тем, что Булл называет «негативной экологией ценности»[30]; субгуманизм как «антигуманизм», в своей пустоте и летаргии, своем отказе даже от отрицания и в безразличии к страстной и порой даже патетической преданности Ницше жизнеукрепляющей функции искусства, будет постепенно распространяться, поглощая способность сильных наделять что бы то ни было ценностью.

29. *Булл М.* Указ. соч. С. 158.
30. Там же. С. 212.

Но это сработает именно потому, что Ницше отстаивает иерархию, ранжирование людей, чьи основания можно подорвать. Как бы Булл ни старался, он не сможет убедить нас в том, что у Хайдеггера имеется сопоставимая политическая экология. Верно то, что, как отмечает Булл, в своем знаменитом «Введении в метафизику» (разоблаченном 24-летним Юргеном Хабермасом в его первой публикации 1953 года) Хайдеггер

> …связывает «помрачение мира» с геополитической бедой немецкого народа в 1935 году… когда он был зажат в клещи между Россией и Америкой[31].

Но даже если историческая миссия немцев — не дать затухнуть вопросу о Бытии, это не значит, что тьма, надвигающаяся с Востока и Запада, могла бы когда-нибудь стать чем-то большим, чем затемнение *внутри* просвета. Следовательно, вопреки утверждениям Булла, нельзя согласиться с тем, что «и для Ницше, и для Хайдеггера нигилизм завершается в экологии человеческого»[32]. Хайдеггер не изобличает Советы и капиталистов в качестве низших, животных версий человеческого, пригодных лишь для того, чтобы горбатиться на величественный *Volk*, смотрящий за тем, как бы в тлеющих углях Бытия не угас жар, в ожидании их будущего возгорания. Не человеческая порочность или скудоумие, а западная метафизика — вот что привело к катастрофе нашего технологически объективированного мира. Это не значит, что во многих речах и лекциях начала 1930-х годов Хайдеггер не призывал свою аудиторию поддержать национал-социалистическую революцию. Однако в подавляющем большинстве своих философских текстов он не пытается вбить клин, установить различие между человеческими типами или же заманить на свою сторону исключительно тех, кто смело смотрит в глаза ничто[33]. В действительности в своих лекционных курсах конца 1930-х годов он пытался вытащить

31. Там же. С. 164.
32. Там же. С. 163.
33. Одним из наиболее неприятных доказательств противного можно считать знаменитый пассаж из лекционного курса Хайдеггера «О сущности истины», прочитанного в зимнем семестре 1933/1934 годов. Комментируя высказывание Гераклита «война — отец всех вещей», Хайдеггер утверждает, что «враг может пробраться в самую сердцевину *Dasein* народа», и подчеркивает сложность «подготовки атаки, нацеленной далеко вперед с целью полного уничтожения». Враг здесь не наделяется расовыми или психологическими эпитетами, однако в некоем приступе искренности Хайдеггер допускает даже, что может понадобиться «создать» (*schaffen*) врага.

Ницше из тисков нацистского биологизма, и за эти свои труды оказался на мушке у партийных идеологов.

Итог всего этого состоит в том, что попытка выпасть из темноты просвета в то, что Булл называет «внешней тьмой», не может заслонить человеческое отношение к (отсутствию) Бытия, пусть даже она могла бы подорвать и ослабить ницшевскую олигархию высших оценивателей, выразителей неприкрашенной воли к власти. Хайдеггер, возможно, по уши увяз в *Volksgemeinschaft*, но попросту неверно то, что

> …в своем ответе на нигилизм *и* Ницше, *и* Хайдеггер пытаются опереться на то, что, возможно, является главным учением фашизма во всех его формах,— на идею о том, что определенные человеческие экологии являются предельным источником значения[34].

Следовательно, авангард субгуманизма Булла не смог бы подорвать позицию Хайдеггера. Скорее, он бы просто оказался исключенным из разговора, как тот, кто, по словам Аристотеля в «Метафизике», отрицает закон непротиворечивости:

> Действительно, почему такой человек идет в Мегару, а не остается дома, воображая, что туда идет? И почему он прямо на рассвете не бросается в колодезь или в пропасть, если окажется рядом с ними, а совершенно очевидно проявляет осторожность, вовсе не полагая, таким образом, что попасть туда одинаково нехорошо и хорошо?

Такой стал бы даже не подрывным субчеловеком, а растением: какая, спрашивает Аристотель, «в самом деле, разница между ним и растением?»[35]

Это не означает, что мы должны довольствоваться тем, как Хайдеггер выталкивает Ницше за его собственные пределы (даже если бы мы были убеждены в том, что это и в самом деле выталкивание, а не просто впадение в благочестивые иллюзии смысла, как полагает Булл). Хайдеггер был прав в том, что признал Ницше виновным в безудержном субъективизме и увидел в нем часть проблемы, а не ее решение. Истина в том, что смысл или ценность, которые мы по своей воле полагаем, вообще не являются смыслом

См.: *Heidegger M.* Being and Truth / G. Fried, R. Polt (trans.). Bloomington: Indiana University Press, 2010. P. 71.

34. *Булл М.* Указ. соч. С. 162. Курсив мой.— *П. Д.*
35. *Аристотель.* Метафизика. С. 133 (в рус. пер.— «между ним и ребенком».— *Прим. пер.*).

или ценностью. Как утверждает Ницще, «сообщать становлению характер сущего — это есть высшая воля к власти»[36]. Но этим никого не одурачишь, если мы всегда знаем о том, что именно мы заняты таким «сообщением». Ницше первоначально выбрал эту квазисолипсистскую дорогу отчасти в силу своего врожденного чувства одиночества, нашедшего отражение в его абсурдном догматическом заявлении, будто «свое „я“ всегда поощряется за счет другого»[37]; но главным образом потому, что в философии и его времен, и наших мысль о категориальном отличии субъект-субъектного отношения все еще играет роль услужливой Золушки для властительных сестер, известных под именами Субъект и Объект. Только в одной второстепенной традиции, которая идет от Фихте через Гегеля и Фейербаха к Левинасу и современной критической теории, встреча с другим человеком считается чем-то совершенно самостоятельным, первичным локусом смысла и ценности. В силу схождения этой второстепенной традиции с тем, что я считаю общим человеческим опытом, Хайдеггер был прав в своей интерпретации истории метафизики как истории затемнения, а Левинас прав, когда в своем ответе указал на то, что затемняется первым делом не Бытие, а лицо Другого.

Булл уклоняется от этой мысли:

> Становление скудомирным открывает возможность для такой степени аномии, которая оказывается за пределами того, что возможно в рамках чисто человеческого взаимодействия. Вы не можете в полной мере испытать аномию в рамках вида — вы должны выйти вовне. Человеческий мир никогда не является достаточно темным[38].

Действительное и достойное всяческих похвал достижение «Анти-Ницше» состоит в том, что эта книга опровергает как прямолинейных аналитических натуралистов, так и беззаботных постмодернистских плюралистов, которые в последние десятилетия пытались оттяпать друг у друга всю сферу исследований Ницше. Оба лагеря, хотя они и глубоко враждебны друг другу, по сути, вытеснили того Ницше, которого столь живо изображает Булл, — политического эколога, мыслителя, который желает вбить клин в человечество и воспевает господство и эксплуатацию как бесценные условия полагания ценности. Но я не вижу причин, по-

36. *Ницше Ф.* Воля к власти. С. 342.
37. Там же. С. 215.
38. *Булл М.* Указ. соч. С. 202.

чему нам стоит последовать за Буллом во внешнюю тьму. Сделай мы так, и это был бы уже не новый вклад в философствование, занятое выталкиванием за пределы и разрыванием панциря изношенной «оболочки духа», как говорил Гегель. Этот дух — его бы мы попросту испустили.

Библиография

Deleuze J. Nietzsche's Burst of Laughter // Idem. Desert Islands and Other Texts. Cambridge, MA; L.: MIT Press, 2004. P. 128–130.

Dews P. Nietzsche for Losers? // New Left Review. 2014. № 86. P. 95–110.

Förster E. The Twenty-Five Years of Philosophy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012.

Hegel G.W. F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie III // Werke: In 20 Bd. / E. Moldenhauer, K. M. Michel (eds). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1986. Vol. 20.

Heidegger M. Being and Truth. Bloomington: Indiana University Press, 2010.

Leiter B. Nietzsche on Morality. L.: Routledge, 2002.

Pippin R. Nietzsche, Psychology and First Philosophy. Chicago: University of Chicago Press, 2010.

Аристотель. Метафизика // Он же. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 63–368.

Беньямин В. О понятии истории // Он же. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012.

Булл М. Анти-Ницше. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016 (в печати).

Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Ч. 3 // Он же. Соч.: В 14 т. Т. 11. М.; Л.: СОЦЭКГИЗ, 1935.

Ницше Ф. Ecce Homo // Он же. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 693–769.

Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Он же. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 631–692.

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005.

Ницше Ф. К генеалогии морали // Он же. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 407–524.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Он же. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 238–406.

Ницше Ф. Странник и его тень // Он же. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. СПб.: Азбука, 2011. С. 317–456.

Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // Он же. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 556–630.

Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М.: Академический проект, 2008.

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Фолио, 2003.

Хайдеггер М. Ницше. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2006.

Хайдеггер М. Ницше. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2007.

Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир — Конечность — Одиночество. СПб.: Владимир Даль, 2013.

Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Он же. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 177–192.

Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Он же. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 143–176.

Peter Dews. Professor, University of Essex. Address: Wivenhoe Park, CO4 3SQ Colchester, UK.
E-mail: peted@essex.ac.uk.

Keywords: critical philosophy; Nietzsche; Malcolm Bull; transcendental argument; reading like a loser; will to power; ecology of value.

In his article, Peter Dews begins with reflections on the characteristic critical dynamics of European philosophy since Kant, then moves to an assessment of one of the main philosophical issues at stake—the role of transcendental argument in the thesis of will to power—and to a detailed discussion of Heidegger's relation to Nietzsche and nihilism. The author suggests that the interpretative strategy chosen by Malcolm Bull in his book "Anti-Nietzsche" ("reading like a loser") can work only within a nietzschean "ecology of value," but not in the framework of Heidegger's conception of Being and its "clearing."

Heidegger and Nietzsche are ultimately asymmetrical: the latter maintains some ecology of value through a hierarchy of people that is reestablished once the nihilism is transcended, while Heidegger contents himself with a minimal relation to Being which is not eliminated even in the "outer dark" Bull describes. The position of the "subhuman" is equivalent to that of Aristotle's plant, notably of one who is excluded from any discourse, so he can contend nothing. Dews offers an alternative to both Nietzsche and Heidegger in the form of the concept of subject-subject relation, developed by many thinkers, from Hegel to Feuerbach to Levinas. This, according to the author, helps move away from Bull and his idea of the "subhuman" in order to find a new foundation for value-positing, free of any ecology.

References

Aristotle. Metafizika [Metaphysics]. *Sobr. soch.: V 4 t. T. 1* [Collected Works: In 4 vols. Vol. 1], Moscow, Mysl', 1976, pp. 63–368.

Benjamin W. O poniatii istorii [Über den Begriff der Geschichte]. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniia* [Doctrine of the Similar. Mediaesthetic Works], Moscow, RGGU, 2012.

Bull M. *Anti-Nitsshe* [Anti-Nietzsche], Moscow, ID "Delo" RANKhIGS, 2016 (forthcoming).

Deleuze J. Nietzsche's Burst of Laughter. *Desert Islands and Other Texts,* Cambridge, MA, London, MIT Press, 2004, pp. 128–130.

Dews P. Nietzsche for Losers? *New Left Review,* 2014, no. 86, pp. 95–110.

Förster E. *The Twenty-Five Years of Philosophy,* Cambridge, MA, Harvard University Press, 2012.

Hegel G.W. F. Lektsii po istorii filosofii. Ch. 3 [Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie III]. *Soch.: V 14 t. T. 11* [Works: In 14 vols. Vol. 11], Moscow, Leningrad, SOTSEKGIZ, 1935.

Hegel G.W. F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie III. *Werke: In 20 Bd. Bd. 20* (eds E. Moldenhauer, K. M. Michel), Frankfurt am Mein, Suhrkamp, 1986.

Heidegger M. *Being and Truth,* Bloomington, Indiana University Press, 2010.

Heidegger M. *Bytie i vremia* [Sein und Zeit], Moscow, Folio, 2003.

Heidegger M. *Nitsshe. T. 1* [Nietzsche. Bd. 1], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2006.

Heidegger M. *Nitsshe. T. 2* [Nietzsche. Bd. 2], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2007.

Heidegger M. *Osnovnye poniatiia metafiziki. Mir—Konechnost'—Odinochestvo* [Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt—Endlichkeit—Einsamkeit], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2013.

Heidegger M. Preodolenie metafiziki [Verwindung der Metaphysik].

Vremia i bytie [Zeit und Sein], Moscow, Respublika, 1993, pp. 177–192.
Heidegger M. Slova Nitsshe "Bog mertv" [Nietzsches Wort "Gott ist tot"]. *Raboty i razmyshleniia raznykh let* [Works and Reflections of Different Years], Moscow, Gnozis, 1993, pp. 143–176.
Leiter B. *Nietzsche on Morality,* London, Routledge, 2002.
Nietzsche F. Antikhrist. Prokliatie khristianstvu [Der Antichrist. Fluch auf das Christentum]. *Soch.: V 2 t. T. 2* [Works: In 2 vols. Vol. 2], Moscow, Mysl', 1996, pp. 631–692.
Nietzsche F. Ecce Homo. *Soch.: V 2 t. T. 2* [Works: In 2 vols. Vol. 2], Moscow, Mysl', 1996, pp. 693–769.
Nietzsche F. K genealogii morali [Zur Genealogie der Moral]. *Soch.: V 2 t. T. 2* [Works: In 2 vols. Vol. 2], Moscow, Mysl', 1996, pp. 407–524.
Nietzsche F. Po tu storonu dobra i zla [Jenseits von Gut und Böse]. *Soch.: V 2 t. T. 2* [Works: In 2 vols. Vol. 2], Moscow, Mysl', 1996, pp. 238–406.
Nietzsche F. Strannik i ego ten' [Der Wanderer und sein Schatten]. *Sobr. soch.: V 5 t. T. 2* [Collected Works: In 5 vols. Vol. 2], Saint Petersburg, Azbuka, 2011, pp. 317–456.
Nietzsche F. Sumerki idolov, ili Kak filosofstvuiut molotom [Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert]. *Soch.: V 2 t. T. 2* [Works: In 2 vols. Vol. 2], Moscow, Mysl', 1996, pp. 556–630.
Nietzsche F. *Volia k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostei* [Wille zur Macht. Versuch einer Umwertung aller Werte], Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia, 2005.
Pippin R. *Nietzsche, Psychology and First Philosophy,* Chicago, University of Chicago Press, 2010.
Sartre J.-P. *Problemy metoda* [Questions de méthode], Moscow, Akademicheskii proekt, 2008.